АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ И КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ ТЕКСТА

УДК 81'27:004 + 070.431

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-92-100

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ СМИ

Н. Н. Кошкарлова, Ю. А. Дудина

Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

Введение. Проведен анализ публикаций в немецких СМИ, описывающих события Второй мировой войны.

Материал и методы. В качестве материала для анализа в настоящем исследовании были выбраны статьи, размещенные в немецкоязычных газетах *Süddeutsche Zeitung*, *Die Welt*, а также русскоязычные переводы соответствующих материалов с сайта «ИноСМИ.ру». В качестве доминирующих в настоящем исследовании применялись следующие методы: метод контент-анализа как разновидность содержательно-тематического направления, лингвостилистический метод в двух его вариантах – лексико-стилистический и лексико-семантический анализ, лингвопрагматический и когнитивно-дискурсивный методы.

Результаты и обсуждение. Мифологизированный характер статей, в которых производится ревизия истории, репрезентирован в виде концептов «обман» и «пропаганда». Дискредитирующий характер ревизионистских материалов усиливается через применение отрицательно-оценочной тактики обвинения, которая в межкультурном политическом пространстве может быть не эксплицирована при помощи лексических средств, а являться результатом стилистических и риторических средств того или иного жанра. Деструктивный характер публикаций определяется концептуальной оппозицией политического дискурса «свои» – «чужие», что проявляется в обсуждении событий не только далекого прошлого, но и современной геополитической ситуации. В материалах подобного рода наличествуют все признаки фейкового (дипфейкового) сообщения, что позволяет трактовать их как функционирующие в рамках феномена постправды.

Заключение. Попытки «деифологизировать» историю – это одно из мощнейших оружий информационно-психологической войны, репертуар средств которой охватывает как события исторического прошлого, так и современную геополитическую ситуацию. Медиадискурс в целом и средства массовой информации в частности – это мощный инструмент формирования общественного мнения и трансляции тех или иных аксиологических установок. В условиях современного информационного противоборства важным является не допустить ситуацию, при которой журналистика фактов подменяется журналистикой мнений. В этом отношении огромную роль играет анализ публикаций ревизионистского характера на предмет изучения лингвистических и экстралингвистических механизмов дискредитации прошлого.

Ключевые слова: Вторая мировая война, информационно-психологическая война, ревизионизм, немецкие средства массовой информации, медиадискурс

Трудности переходного периода:
прежняя правда уже обернулась ложью,
а новая ложь еще не стала правдой.

В. Колечицкий

Введение

В преддверии 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне особую актуальность приобретают исследования, целью которых является противостояние столь популярным ревизионистским теориям, когда происходит фальсификация итогов войны, «подмена ее смысла и значения», что «является частью современной антироссийской информационной войны» [1, с. 229]. Термин «информационная война» употребляется в ряду синонимичных ему понятий «информационно-психологическая война», «информационное

противоборство». Однако, несмотря на большое количество понятий, релевантных для исследуемого феномена, ни один из них не имеет четкого определения и трактовки.

С. Л. Кушнерук объясняет отсутствие однозначной дефиниции: 1) сложностью и многогранностью понятия, которое изучается представителями различных научных направлений – политологами, социологами, философами и др.; 2) расхождением теоретических и методологических позиций исследователей, которые занимаются изучением анализируемого феномена; 3) собственно лингвистическими причинами, а именно несовпадением семантического объема понятий, передаваемого лексическими средствами английского и русского языков [2, с. 333–334].

В условиях информационной войны медиадискурс, в рамках которого ведется идеологическое и аксиологическое противостояние, все больше тяготеет к аргументативно-полемическому типу интеракции, который Н. С. Болотнова определяет как «медиадискурс, включающий аналитику, нацеленную на утверждение определенных идей, положений, оценок, которые нуждаются в доказательности и специальной аргументации» [3, с. 138]. Автор указывает, что специальная аргументация используется в медиадискурсе, поскольку система одних взглядов, идей и ценностей вступает в конфронтацию со взглядами, идеями и ценностями противоположной стороны.

Действительно, стратегии и тактики, используемые акторами в ходе информационно-психологического противоборства, характеризуются аналитической оценкой тех или иных событий прошлого или настоящего (иногда такой анализ экстраполируется в будущее), которая в большей степени противоречит реальному положению дел, обеспечивая основу для создания фиктивной (ложной, фейковой) информации. Г. Н. Нурышев называет такие технологии когнитивным моделированием, которое направлено на переформатирование сознания [4]. По мнению автора, яркий пример такой технологии – «фальсификация истории Великой Отечественной войны, ядра сакральной исторической матрицы России» [4, с. 69].

О. Ф. Русакова, В. М. Русаков неотъемлемым компонентом информационных и идеологических войн называют «войны памяти», основной целью которых является переформатирование «массового исторического сознания в пользу дискурса дискредитации всего советского, включая победу советского народа во Второй мировой войне» [5, с. 11]. В современных геополитических условиях и обстоятельствах все активнее распространяется информация с целью пересмотра и (или) переписывания истории Второй мировой войны, что приводит «к сознательному искажению и фальсификации истории войны и ее последствий в угоду политической конъюнктуре, превращается в растущую угрозу массовому сознанию» [6, с. 298]. Полагаем, что изучение материалов подобного рода будет способствовать сокращению и элиминации сообщений клеветнического, сфабрикованного и ложного характера, а инвентаризация репертуара стратегий и тактик, применяемых в ревизионистских концепциях дискредитирующего характера, важна и в социальном плане.

Материал и методы

Общественная значимость лингвистической интерпретации ревизионистских лжеучений состоит в том, что манипулятивный потенциал таких сооб-

щений редуцируется, так как потребителю информации (специалисту или обывателю) становятся очевидными способы манипулирования информацией, к которым Г. А. Копнина относит: умолчание, селекцию, передергивание, искажение, переворачивание, конструирование [7, с. 53]. При этом под умолчанием автор подразумевает сокрытие информации от адресата; селекцию трактует как пропуск важной и правдивой информации и подачу только выгодных для адресанта фактов; передергивание – это акцент только на выгодных для создателя ложной информации фактах или сторонах явления; преуменьшение, преувеличение, нарушение пропорций – это искажение; замена «черного» на «белое» – это переворачивание, а конструирование – это создание того, чего не существует в реальности.

В качестве материала для анализа в настоящем исследовании были выбраны статьи, размещенные в немецкоязычных газетах *Süddeutsche Zeitung*, *Die Welt*, а также русскоязычные переводы соответствующих материалов с сайта ИноСМИ.ру. Выбор подобного эмпирического материала отвечает современной парадигме лингвистических учений, когда в формировании общественного сознания перво-степенная роль отводится средствам массовой информации и медиадискурсу в целом (см., например: [8–10]). Также в определенном смысле интернет-сайты газет и интернет-портал «ИноСМИ.ру» могут трактоваться как языковые корпуса, так как корпус – это «представленный в электронном виде, **как правило** (выделение наше. – Н. К., Ю. Д.), размеченный для анализа в лингвистических целях, обеспеченный сравнительно простой в использовании поисковой системой репрезентативный массив неотредактированных текстов, представляющих как можно большее количество „вариантов“ языка» [11, с. 87].

В качестве доминирующих в настоящем исследовании применялись следующие методы: метод контент-анализа как разновидность содержательно-тематического направления, лингвостилистический метод в двух его вариантах – лексико-стилистический и лексико-семантический анализ, лингвопрагматический и когнитивно-дискурсивный методы. Предложим краткую характеристику указанных методов. Содержательно-тематическое направление, представленное контент-анализом, важно при анализе публикаций массмедийного дискурса на определенную тематику (в нашем случае – на тему Второй мировой войны), так как «СМИ организуют, упорядочивают динамично меняющуюся картину мира с помощью устойчивой системы так называемых медиатопиков или регулярно воспроизводимых тем, к которым относятся, например, такие как политика, бизнес, спорт, культура, погода, новости международной и региональной

жизни и т. п.» [12, с. 12]. Лексико-стилистический анализ в рамках лингвостилистического метода включает «исследования общественно-политической лексики и политической терминологии» [12, с. 18], а целью лексико-семантического анализа является «анализ функционально-семантических групп лексики» [12, с. 22]. Лингвопрагматический метод – это «исследование коммуникативных стратегий, тактик и приемов, используемых в политических текстах», «средств речевого воздействия, в том числе оценочных», «компонентов прагматической рамки политического текста (факторы автора, адресата, субъектно-адресатных отношений, интенции)» [13, с. 63]. Когнитивно-дискурсивный метод инкорпорирует когнитивный и дискурсивный подходы к анализу лингвистических явлений в совокупности с экстралингвистическими условиями и обстоятельствами.

Результаты и обсуждение

12 марта 2017 г. на сайте газеты *Süddeutsche Zeitung* была опубликована статья под заголовком *So feiert Putins Russland Helden, die es niemals gab* [14] – *Путинская Россия чествует героев, которых никогда не было* [15]. Агрессивный прагматический потенциал анализируемого материала содержится уже в самом заголовке, который является элементом заголовочного комплекса. К. В. Прохорова определяет заголовочный комплекс как систему, которая состоит из нескольких компонентов и включает в себя ряд элементов, а именно: тематическое название полосы, рубрику, заголовок, подзаголовок, внутренние заголовки, шапку, лид, предтексты, вставки, подписи к фотографиям, подпись [16, с. 14–15]. Все указанные элементы представлены в статье: заголовок, фотография (рис. 1), подпись к ней, лид.

Рис. 1

Лид статьи концептуально поддерживает и тематически развивает заголовок статьи, риторика которой заключается в том, что некоторые из событий зимы 1941/42 гг. – это миф и инсценировка со стороны российского государства.

* Die Rote Armee schlug im Winter 1941/42 Hitlers Wehrmacht vor Moskau zurück – aber die «28 Helden von Panfilow» sind reine Fiktion. Wer heute an die Wahrheit erinnert, ist für die Mächtigen in Russland ein «Drecksack». – *В Красной армии было много героев, которые зимой 1941/42 гг. нанесли поражение вермахту под Москвой. Однако «28 героев-панфиловцев» – это миф, который Россия вновь инсценирует.*

Лексические единицы со значением «миф, выдумка» репрезентируют концепт «обман», который в данном случае эксплицирует значение «то, что не соответствует действительности (исторической правде)»:

* In der neuen Produktion lassen Special Effects die Schlachten noch realistischer wirken. Doch auch das ändert nichts daran, dass die Geschichte einen Haken hat – sie ist frei erfunden. – *Использованные в новом фильме (фильм «Двадцать восемь панфиловцев», 2016. – Н. К., Ю. Д.) спецэффекты позволяют еще более реалистично представить себе происходившие сражения. Но и это ничего не меняет, поскольку в самой истории есть одна звезда – она была полностью выдумана.*

* Bereits 1948 kam eine Untersuchung des militärischen Oberstaatsanwalts der UdSSR, Nikolai Afanassjew, zu dem Ergebnis, dass Mitarbeiter der Armee-Zeitung Roter Stern die Erzählung auf der Grundlage dünner Frontmeldungen erfunden hatten. – *Еще в 1948 году было проведено расследование главным военным прокурором СССР Николаем Афанасьевым. В результате он пришел к выводу о том, что сотрудник армейской газеты «Красная звезда» выдумал эту историю, используя в качестве ее основы непроверенные сообщения с фронта.*

* Der Staat hält derweil an dem Mythos fest. – *Государство тем временем продолжает крепко держаться за этот миф.*

В аксиологическое и семантическое пространство концепта «обман» автор статьи включает также День Победы, отмечаемый в России 9 мая, парад на Красной площади, памятники, победные надписи на автобусах и автомобилях:

* Während der deutsche Raub- und Vernichtungsfeldzug in der Erinnerung der Bundesrepublik nicht einmal mit einem Gedenktag präsent ist, ist er in Russland allgegenwärtig – wenngleich überwiegend in der Form von Staats wegen gepflegter Mythen. Der «Tag des Sieges» am 9. Mai ist neben Neujahr der zweitwichtigste Feiertag des Landes. Die Erinnerung beschränkt sich aber nicht auf Denkmäler und die Parade auf dem Roten Platz. Sie ist in den Alltag eingewoben; Busse werden mit dem Schriftzug «nach Berlin» versehen, Autos ironisch mit Aufklebern als «Trophäe» markiert. – *В то время как грабительская война немцев, война на уничтожение, не пред-*

ставлена в системе воспоминаний Федеральной Республики ни одним памятным днем, в России она повсеместна: хотя преимущественно **в виде тщательно культивируемых государством мифов**. «День Победы», отмечаемый 9 мая, после Нового года является наиболее важным праздником в этой стране. Однако воспоминание о прошлом не ограничивается памятниками и парадами на Красной площади. Оно вплетено в ткань повседневной жизни – автобусы украшаются надписями «На Берлин», автомобили иронично маркируются стикерами со словом «Трофей».

Другим логически связанным с предыдущим является концепт «пропаганда». Негативная коннотация самого термина, использующегося для обозначения концепта, не раз становилась предметом научного внимания специалистов [17–19]. В анализируемой статье немецкого издания пропаганда ассоциируется с проводимой В. Путиным политикой, которая, по мнению автора, реализуется в том числе и через празднование Дня Победы:

** 72 Jahre nach dem entbehungsreichen Sieg ist der Große Vaterländische Krieg stetiger Bezugspunkt von Wladimir Putins Politik und der staatlichen Propaganda. – Спустя 72 года после доставшейся огромной ценой победы Великая Отечественная война продолжает оставаться постоянной точкой отсчета для политики Владимира Путина и государственной пропаганды.*

Лейтмотивом большинства западных публикаций является мысль о том, что присоединение Крыма к России – это аннексия. Анализируемый материал не стал исключением в этом плане, что, безусловно, детерминировано реализацией концептуальной оппозиции политического дискурса «свои» – «чужие»:

** Wie tief dieses Erlebnis sitzt, und wie leicht es sich politisch missbrauchen lässt, wurde nach der Maidan-Revolution deutlich, als der Kreml und die Staatsmedien ... das eigene Volk für die Krim-Annexion und den Krieg im Donbass mobilisierten. – Как глубоко находится этот опыт в душах людей и как легко им манипулировать в политических целях, стало очевидным после революции майдана, когда Кремль и государственные средства массовой информации ... мобилизовали свой собственный народ для поддержки аннексии Крыма и войны в Донбассе.*

Дискредитирующий характер статьи усиливается через применение отрицательно-оценочной тактики обвинения, которая в межкультурном политическом пространстве может быть не эксплицирована на лексическом уровне, а выводиться из стилистики и риторики того или иного жанра:

** In der neu aufgelegten Ost-West-Konfrontation erscheine es aus der Sicht der Regierung als unschick-*

lich, den Beitrag der USA und Großbritanniens zu würdigen. Viel einfacher ist es da, alte Legenden wie die von den Panfilow-Helden aufzufrischen: «Jeder Ansatz, diese Mythen zu zerstören, kommt dann einem Angriff auf die Grundfesten des Staates gleich». – В новой версии конфронтации между Востоком и Западом, по мнению правительства, представляется неуместным оценивать по достоинству вклад Соединенных Штатов и Великобритании, подчеркивает Соколов. Намного проще, как считают власти, освежать такие старые легенды, как подвиг героев-панфиловцев. «Любые попытки разрушить подобные мифы сравниваются с нападками на основы государства».

Очередная попытка разрушить подобные «мифы» была предпринята автором статьи Als Stalins Generäle fast 400 T-34 zerstörten [20] – *Когда сталинские генералы уничтожили почти 400 T-34* [21], опубликованной в газете Die Welt 12 июля 2018 г. Анализируемый материал представляет собой яркий пример влияния экстралингвистических факторов на ценностное содержание медиадискурса, так как именно в июле – августе 2018 г. в России отмечалось 75-летие победы в Курской битве. Историческая операция под Курском не осталась без внимания немецкой прессы, однако в указанном материале многие данные фальсифицированы и даже ошибочны.

Так, согласно данным, представленным в анализируемом материале, битву под Прохоровкой (одно из направлений Курской битвы) выиграла немецкая армия, потеряв три танка.

** Die deutsche Seite verlor nach offiziellen Angaben durch Feindeinwirkung drei Panzer. So war die Panzerschlacht von Prochorowka nicht nur kein sowjetischer Sieg, sondern im Gegenteil eine schwere Niederlage. – Немецкая сторона потеряла, по официальным сообщениям, в результате воздействия противника три танка. Таким образом, танковое сражение под Прохоровкой не только не было победой советских войск, но, напротив, стало для них тяжелым поражением.*

В приведенном примере находим один из лингвистических признаков сфабрированного (фейкового) сообщения – анонимная атрибуция, которая может выражаться в использовании следующих лексических маркеров мистифицированного сообщения: *по официальным данным, наш источник сообщил, по словам такого-то* и т. д. В следующем примере мы также не находим ссылок на официальные документы, подтверждающие сказанное автором:

** Der britische Historiker Richard Overly schrieb 1995 vom «wichtigsten Einzelsieg des Krieges», den die Rote Armee an diesem Tag errungen habe. Der Militärhistoriker und ehemalige Bundeswehr-Oberst*

Karl-Heinz Frieser hat schon 2007 solche Darstellungen als mindestens stark übertrieben entlarvt. Vor allem aus Rechtfertigungsgründen gegenüber Stalin, so sein Ergebnis, sei die Panzerschlacht von Prochorowka von Offizieren der Roten Armee falsch dargestellt worden. So konnte das auf deutscher Seite beteiligte II SS-Panzerkorps schwerlich allein an diesem Montag 400 Panzer verlieren, weil es während der gesamten Schlacht um Kursk nur 33 Totalverluste erlitt. – *Британский историк Ричард Овери (Richard Overy) написал в 1995 г. о «самой важной одиночной победе в войне», которую одержала в тот день Красная армия. Но военный историк и бывший полковник бундесвера Карл-Хайнц Фризер (Karl-Heinz Frieser) еще в 2007 г. назвал подобные оценки как минимум сильно преувеличенными. По его мнению, офицеры Красной армии неверно излагали события танкового сражения под Прохоровкой прежде всего из желания оправдаться перед Сталиным. Так, например, участвовавший в боях II танковый корпус СС вряд ли мог потерять в тот понедельник 400 танков, потому что за всю битву под Курском его потери составили лишь 33 полностью уничтоженных машин.*

Деструктивный прагматический потенциал анализируемого материала усиливается за счет эмоционально-оценочной лексики, которая используется для описания положения Советской армии в битве под Прохоровкой: *разбиты, разгромлены, тяжелое поражение.*

* Zwei sowjetische Panzerbrigaden gingen auf diese Weise am 12. Juli 1943 verloren. Zwischen 207 und 235 der 514 Kettenfahrzeuge wurden total zerstört, weitere etwa 150 mussten teils aufwendig repariert werden – die Zahlen sind widersprüchlich. ...So war die Panzerschlacht von Prochorowka nicht nur kein sowjetischer Sieg, sondern im Gegenteil eine schwere Niederlage. – *Таким образом, две советские танковые бригады 12 июля 1943 года были разгромлены. От 207 до 235 гусеничных машин из общего числа в 514 были полностью разбиты, еще приблизительно 150 нуждались в серьезном ремонте – числа противоречивые. ...Таким образом, танковое сражение под Прохоровкой не только не было победой советских войск, но, напротив, стало для них тяжелым поражением.*

Риторика и стилистика материала в немецкой газете направлены на доказательство того, что бои под Курском не были «лебединой песней» немецких танковых войск. Как известно, фразеологизм «лебединая песня» (нем. Schwanengesang) употребляется для обозначения последнего, наиболее значительного проявления таланта и способностей:

* So war vom «Schwanengesang» der deutschen Panzerwaffe die Rede, von einem «wahrhaft titanisch-

en Duell zweier stählerner Armaden». – *Потом говорили о «лебединой песне» немецких танковых войск, о «поистине титанической дуэли двух стальных армад».*

Такие попытки не могли не вызвать ответной реакции противоположной стороны. В российской прессе был опубликован ряд опровержений приведенных в анализируемой публикации фактов (см., например: [22]). Аналогичное опровержение последовало вслед за публикацией от 9 июля 2019 г. в немецкой газете Die Welt статьи под заголовком Der «Sieg» der Roten Armee, der in Wirklichkeit eine Niederlage war [23] – «Победа» Красной армии, которая фактически была поражением [24].

Деструктивный прагматический потенциал содержится уже в самом заголовке, где слово Sieg (Победа) заключено в кавычки, употребляющиеся в данном случае в метаязыковой функции, которая передает эксплицитную иронию адресанта к предмету высказывания, его отрицательное отношение, сомнение в истинности и достоверности произошедших событий. Материал представляет собой очередную попытку «демифологизации» героической истории нашей страны, но теперь уже со ссылкой на мнения двух историков (из Германии и Великобритании). Согласно их точке зрения, никакой победы Красной армии под Прохоровкой не было, как и самого масштабного сражения.

* Der deutsche Militärhistoriker Karl-Heinz Frieser hat darauf schon wiederholt hingewiesen, unter anderem in einem WELT-Interview. Aber jetzt wird seine auf Akten in deutschen und russischen Archiven sowie auf Zeitzeugenaussagen gestützte Entmystifizierung der Panzerschlacht von Prochorowka durch optische Beweise eindeutig bestätigt. – *Немецкий военный историк Карл-Хайнц Фризер (Karl-Heinz Frieser) уже не раз указывал на это, в том числе и в одном из интервью газете «Вельт». Но теперь его основанная на документах из немецких и российских архивов, а также на показаниях очевидцев события демифологизация танкового сражения под Прохоровкой однозначно подтвердилась визуальными средствами.*

* Sein britischer Kollege Ben Wheatley nämlich hat in einem ansonsten wenig beachteten Bestand deutscher Luftaufklärungsbilder von der Ostfront im amerikanischen Nationalarchiv in College Park (US-Bundesstaat Maryland) mehrere Aufnahmen gefunden, die mit größter Klarheit die katastrophale Niederlage der Roten Armee bei Prochorowka belegen. Sein Aufsatz darüber ist vor Kurzem erschienen. – *Его британский коллега Бен Уитли (Ben Wheatley) нашел в малоизвестном собрании фотографий немецкой воздушной разведки с Восточного фронта в Американском национальном архиве в «Колледж парке» (штат Мэриленд) множество снимков, ко-*

которые с очевидностью доказывают катастрофическое поражение Красной армии под Прохоровкой. Недавно опубликована его статья на эту тему.

Как видно из приведенных контекстов, аргументом в пользу так называемой демифологизации истории Второй мировой войны послужили фотографии, найденные в архивах и подлежащие анализу только с помощью специальной оптики. В современных условиях такие фотографии вполне правомерно отнести к разряду дипфейка, под которым понимается «вполне реалистичная и трудно распознаваемая цифровая трансформация аудио или видео» [25, с. 147]. Полагаем, что дипфейк, как и собственно фейковая информация, попытки ревизии истории Второй мировой войны, создание фальсифицированной информации относительно исторических событий функционируют в рамках феномена постправды, который мы определяем как «деструкцию и трансформацию социальной и политической реальности, при которой происходит инверсия семантики происходящего, возникают когнитивные иллюзии, распространяются „псевдонуовости“, создатель которых не несет за это никакой ответственности, а преследует определенные цели и коррелирует их с эмоциональным настроением целевой аудитории» [26, с. 15].

В контекст анализируемой публикации вплетены и христианские символы, выполняющие для россиян интегрирующую и священную роль. Речь идет о Звоннице – основном памятнике мемориального комплекса «Прохоровское поле», установленном в память о танковом сражении 12 июля 1943 г. По мнению автора статьи, Звонница, на куполе которой расположена сфера с семиметровой фигурой Богородицы, должна быть снесена, так как никакой победы Красной армии под Прохоровкой не было.

* Eine goldene Muttergottes thront auf der schnee-weißen, seltsam in die Höhe gezogenen Kapelle. Das Denkmal südwestlich des russischen Dorfes Prochorowka, errichtet in der Regierungszeit von Boris Jelzin, erinnert an den Triumph der Roten Armee in der «größten Panzerschlacht des Zweiten Weltkrieges» genau hier, am 12. Juli 1943 Für ein Siegesdenkmal gibt es jedoch keinerlei Anlass. – *Золотая фигура Богоматери восседает на белоснежной, непривыч-*

но устремленной ввысь часовне. Этот памятник, расположенный к юго-западу от русской деревни Прохоровки и воздвигнутый во времена Бориса Ельцина, напоминает о триумфе Красной армии в «крупнейшем танковом сражении Второй мировой войны», произошедшем здесь 12 июля 1943 г. Но вообще-то этот памятник нужно немедленно снести.

В приведенном примере установка памятника ассоциируется с прецедентным именем, ставшим для современной истории России знаком реальных исторических (не всегда позитивных) событий.

Заключение

Таким образом, анализ публикаций в немецкой прессе, в которых производится дискредитация и ревизия хода и итогов Второй мировой войны, позволяет нам прийти к следующим выводам. Материалы такого рода – это фальсифицированные и ложные сообщения, функционирующие в рамках феномена постправды. Попытки «демифологизировать» историю – это одно из мощнейших оружий информационно-психологической войны, репертуар средств которой охватывает как события исторического прошлого, так и современную геополитическую ситуацию. Медиадискурс в целом и средства массовой информации в частности – это мощный инструмент формирования общественного мнения и трансляции тех или иных аксиологических установок. В условиях современного информационного противоборства важным является не допустить такое положение дел, при котором журналистика фактов подменяется журналистикой мнений. В этом отношении огромную роль играет анализ публикаций ревизионистского характера на предмет изучения лингвистических и экстралингвистических механизмов дискредитации прошлого. Все это будет способствовать элиминации информационных поводов для конфликтного и деструктивного взаимодействия, невозможности поддержания и эксплуатации ревизионистской и агрессивной риторики, исключения деструкции политического и массмедийного дискурса. Стремлением политиков, историков, лингвистов, рядовых граждан должна быть ситуация, при которой происходит не отторжение и противостояние ценностей, а их взаимодействие и интеграция.

Список литературы

1. Косых Е. С. Ревизия Второй мировой войны и информационная война против России // Человек и общество в условиях войн и революции. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2015. С. 229–234.
2. Кушнерук С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны в британских средствах массовой коммуникации // Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. 2 / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина и др.; под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. С. 331–369.
3. Болотнова Н. С. Регулятивность в публичном аргументативно-полемиическом медиадискурсе информационно-медийной языковой личности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 7 (172). С. 138–145.

4. Нурышев Н. Г. Информационно-психологические операции в системе гибридных войн // Геополитика и безопасность. 2017. № 2. С. 65–73.
5. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. 2015. № 1 (18). С. 10–19.
6. Степанов С. А. Детская болезнь национализма в Европе и как к ней относиться в России? // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 297–310.
7. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта: Наука, 2010. 176 с.
8. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М.: КРАСАНД, 2010. 288 с.
9. Macnamara J. R. The Role and Effects of Mass Media in Modern Societies // Media and Male Identity. London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 63–67.
10. de Mooij M. Mass Media, Journalism, Society, and Culture // Human and Mediated Communication around the World. Springer. Cham. 2014. P. 309–353.
11. Козлова Н. В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестн. НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11, вып. 1. С. 79–88.
12. Руженцева Н. Б. Методология и методики анализа массмедийного политического текста. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 208 с.
13. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А. П. Чудинов; А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба, Н. Н. Кошкарлова, О. Н. Кондратьева, М. В. Никифорова, И. С. Пирожкова, Н. Б. Руженцева, О. А. Солопова. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 303 с.
14. Hans J. So feiert Putins Russland Helden, die es niemals gab // Süddeutsche Zeitung. Март 12, 2017.
15. Ханс Ю. Бессмертные. URL: <https://inosmi.ru/social/20170125/238594689.html> (дата обращения: 01.08.2019).
16. Прохорова К. В. Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности. СПб.: Лаб. операт. печати факультета журналистики СПбГУ, 2005. 80 с.
17. Brunello A. R. A Moral Compass and Modern Propaganda? Charting Ethical and Political Discourse // Review of History and Political Science. 2014. June. Vol. 2, № 2. P. 169–197.
18. Lasswell H. D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. 1927. Vol. 21, № 3. August. P. 627–631.
19. Walton D. What is propaganda, and what is wrong with it? // Public Affairs Quarterly. 1997. Vol. 11, № 4. October. P. 383–413.
20. Althaus J. Als Stalins Generäle fast 400 T-34 zerstörten // Die Welt. Июль 12, 2018.
21. Альтхаус Й. Когда сталинские генералы уничтожили почти 400 Т-34. URL: <https://inosmi.ru/social/20180716/242753315.html> (дата обращения: 01.08.2019).
22. Немецкая пресса битву под Прохоровкой записала в победы вермахта. URL: <https://moe-belgorod.ru/news/society/1019172> (дата обращения: 07.08.2019).
23. Kellerhoff S. F. Der «Sieg» der Roten Armee, der in Wirklichkeit eine Niederlage war // Die Welt. Июль 9, 2019.
24. Die Welt (Германия): «победа» Красной армии, которая на самом деле была поражением. URL: <https://inosmi.ru/history/20190710/245448576.html> (дата обращения: 01.08.2019).
25. Chesney R., Citron D. Deepfakes and the new disinformation war. The coming age of post-truth geopolitics // Foreign Affairs. 2019. January / February. P. 147–155.
26. Кошкарлова Н. Н., Руженцева Н. Б. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 50–56.

Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет (пр. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080). E-mail: nkoshka@rambler.ru

Дудина Юлия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет (пр. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080). E-mail: dudina_yuliya@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.08.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-92-100

WORLD WAR II AS VIEWED BY GERMAN MASS-MEDIA

N. N. Koshkarova, Yu. A. Dudina

National Research South-Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Introduction. The paper explores the articles in the German mass-media describing the events of World War II.

Material and methods. The articles published in the German newspapers Süddeutsche Zeitung, Die Welt and the Russian translation of these articles from the site ИноСМИ.ru serve as the material for the analysis. The following

methods were used: content-analysis as a kind of content and semantic direction, linguistic and stylistic method in two of its variations – lexical and stylistic and lexical and semantic analysis, linguistic and pragmatic and cognitive and discursive methods.

Results and discussion. Confabulated character of the articles which aim to revise the history is represented through the concepts DECEPTION and PROPAGANDA. The damaging character of the revisionist materials is intensified through the usage of the negative tactic of accusation which in the intercultural political area may not be explicitly depicted on the lexical level but be rendered from the stylistics and rhetoric of this or that genre. The destructive character of the publications is determined by the conceptual opposition of the political discourse ‘friend-foe’ and is manifested in the discussion of the events not only belonging to the past but inherent to the modern geopolitical situation. In the materials of this kind all features of the fake (deepfake) message are present which let us interpret them as functioning in the framework of the post-truth phenomenon.

Conclusion. One of the most powerful weapons of the information and psychological warfare are the attempts to “deconfabulate” the history. The repertoire of information and psychological warfare’s means embraces the past events and the modern geopolitical situation. The media-discourse in general and mass-media particularly is a great instrument of forming a public opinion and transmitting these or those axiological priorities. In the context of modern information confrontation it is important to prevent the situation when the journalism of facts is substituted by the journalism of opinions. In this respect the analysis of the revisionist publications plays a great role in terms of studying the linguistic and extra-linguistic mechanisms of discrediting the past.

Keywords: *World War II, information and psychological warfare, revisionism, German mass-media, media-discourse.*

References

1. Kosykh E. S. Reviziya Vtoroy mirovoy voyny i informatsionnaya voyna protiv Rossii [Revision of World War II and information war against Russia]. *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh voyn i revolyutsii* [Man and society in the context of wars and revolutions]. Samara, 2015. Pp. 229–234 (in Russian).
2. Kushneruk S. L. Diskursivnyy mir informatsionno-psikhologicheskoy voyny v britanskikh sredstvakh massovoy kommunikatsii [Discursive world of information and psychological warfare in the British mass-media]. In: A. A. Bernatskaya, L. A. Gavrilov, V. A. Zhilina et al. *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny*. Kn. 2. Red. prof. A. P. Skovorodnikov [Linguistics of information and psychological warfare. Book. 2. A. A. Bernatskaya, L. A. Gavrilov, V. A. Zhilina et al. Ed. prof. A. P. Skovorodnikova]. Krasnoyarsk, SibFU Publ., 2019. Pp. 331–369 (in Russian).
3. Bolotnova N. S. Regulativnost’ v publichnom argumentativno-polemicheskom mediadiskurse informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti [Regulativity in public argued and polemic discourse of informational and media language personality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, vol. 7 (172), pp. 138–145 (in Russian).
4. Nuryshv N. G. Informatsionno-psikhologicheskiye operatsii v sisteme gibridnykh voyn [Information and psychological operations in the system of hybrid wars]. *Geopolitika i bezopasnost’*, 2017, no. 2, pp. 65–73 (in Russian).
5. Rusakova O. F., Rusakov V. M. Agonal’nyy diskurs sovremennoy politiki pamyati [Agonal discourse of modern memory policy]. *Diskurs-Pi*, 2015, no. 1 (18), pp. 10–19 (in Russian).
6. Stepanov S. A. Detskaya bolezn’ natsionalizma v Evrope i kak k ney otnosit’sya v Rossii? [Childish illness of nationalism in Europe and how is it treated in Russia?]. *Sotsial’no-gumanitarnyye znaniya – Socio-humanitarian knowledge*, 2011, no. 2, pp. 297–310 (in Russian).
7. Kopnina G. A. *Rechevoye manipulirovaniye* [Speech manipulation]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 176 p. (in Russian).
8. Dobrosklonskaya T. G. *Voprosy izucheniya mediatekstov: opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi* [Issues of media-texts’ study. experience of modern English media-speech research]. Moscow, KRASAND Publ., 2010. 288 p. (in Russian).
9. Macnamara J. R. The Role and Effects of Mass Media in Modern Societies. *Media and Male Identity*. London, Palgrave Macmillan, 2006. Pp. 63–67.
10. Mooij M. de. Mass Media, Journalism, Society, and Culture. *Human and Mediated Communication around the World*, Springer. Cham, 2014. Pp. 309–353.
11. Kozlova N. V. Lingvisticheskiye korpusa: opredeleniye osnovnykh ponyatiy i tipologiya [Linguistic corpora: definition of main notions and typology]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2013, vol. 11, no. 1, pp. 79–88 (in Russian).
12. Ruzhentseva N. B. *Metodologiya i metodiki analiza massmediynogo politicheskogo teksta* [Methodology and methods of mass-media political text analysis]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2018. 208 p. (in Russian).
13. Chudinov A. P., Budayev E. V., Dzyuba E. V., Koshkarova N. N., Kondratiev O. N., Nikiforov M. V., Solopova O. A. *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta*. Otv. red. A. P. Chudinov [Theory and methodology of political text linguistic analysis]. Responsible ed. A. P. Chudinov. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t Publ., 2016. 303 p. (in Russian).
14. Hans J. So feiert Putins Russland Helden, die es niemals gab [So Putin’s Russia celebrates heroes that never existed]. *Süddeutsche Zeitung*. Mart 12, 2017.
15. Khans Yu. *Bessmertnyye* [Immortals] (in Russian). URL: <https://inosmi.ru/social/20170125/238594689.html> (accessed 1 August 2019).
16. Prokhorova K. V. *Gazetnyy zagolovok: problemy i funktsional’nyye vozmozhnosti* [Newspaper headline: problems and functional opportunities]. Saint-Petersburg, SPbGU Publ., 2005. 80 p. (in Russian).

17. Brunello A. R. A Moral Compass and Modern Propaganda? Charting Ethical and Political Discourse. *Review of History and Political Science*, 2014, June, vol. 2, no. 2, pp. 169–197.
18. Lasswell H. D. The Theory of Political Propaganda. *The American Political Science Review*, 1927, vol. 21, no. 3, August, pp. 627–631.
19. Walton D. What is propaganda, and what is wrong with it? *Public Affairs Quarterly*, 1997, vol. 11, no. 4, October, pp. 383–413.
20. Althaus J. Als Stalins Generäle fast 400 T-34 zerstörten. *Die Welt*. Juli 12, 2018.
21. Al'tkhaus Y. *Kogda stalinskiye generaly unichtozhili pochtu 400 T-34* [When Stalin generals destroyed almost 400 T-34] (in Russian). URL: <https://inosmi.ru/social/20180716/242753315.html> (accessed 1 August 2019).
22. *Nemetskaya pressa bitvu pod Prokhorovkoy zapisala v pobedy vermakhta* [German press attributed Prokhorovka battle to Wehrmacht victory] (in Russian). URL: <https://moe-belgorod.ru/news/society/1019172> (accessed 7 August 2019).
23. Kellerhoff S. F. Der „Sieg“ der Roten Armee, der in Wirklichkeit eine Niederlage war. *Die Welt*. Juli 9, 2019.
24. *Die Welt (Germaniya): „pobeda“ Krasnoy armii, kotoraya na samom dele byla porazheniyem* [Die Welt (Germany): “victory” of Red Army which in reality was a defeat] (in Russian). URL: <https://inosmi.ru/history/20190710/245448576.html> (accessed 1 August 2019).
25. Chesney R., Citron D. Deepfakes and the new disinformation war. The coming age of post-truth geopolitics. *Foreign Affairs*, 2019, January/February, pp. 147–155.
26. Koshkarova N. N., Ruzhentseva N. B. Na puti k pravde, vedushchem ko lzhi: fenomen postpravdy v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Forth to truth and back to hoax: post-truth in modern political communication]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2019, no. 1 (73), pp. 50–56 (in Russian).

Koshkarova N. N., National Research South-Ural State University (pr. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russian Federation, 454080). E-mail: nksohka@rambler.ru

Dudina Yu. A., National Research South-Ural State University (pr. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russian Federation, 454080). E-mail: dudina_yuliya@mail.ru